

Нередко, ссылаясь на трудности деревенских условий, сельские работники культуры относятся к делу потребительски, пассивно.

СЕЛЬСКИЙ АКТИВИСТ: — Дайте в руки мне гармонь!

Рисунок Г. ВАЛЬКА

КРОКОДИЛ

№ 16 [1810] июнь 1966

год издания сорок пятый

НЕ КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ...

Школу номер двести десять,
Гордость нашего роно;
Сотни раз хвалили в прессе
И снимали для кино.
Принесли известность школе
Не ее выпускники,
Не успехи в волейболе
И не труд в подшефном поле,
А кружки и уголки:
Уголок аквалангиста,
Уголок лечебных трав,
Уголок филателиста,
Уголок «Покончим с твистом!»,
Уголок «Друзья жирафа»...
Все к одной стремились цели:
Чтобы на ученика
Приходилось по два целых
Семь десятых уголка.
На уроках сверх программы
Оформляли малыши
Уголок «Любите маму!»,
Уголок «Учитесь шить!».
Радо школьное начальство:
Ходит школа в маяках,
Правда, двойки стали чаще
Появляться в дневниках.
Как тут быть, не знаем сами.
Поговорка есть одна:
«Не красна изба углами...»
Может, кстаги здесь она?
г. Ленинград.

Г. МОРОЗ

Собачья жизнь

— Как жизнь, Барбос? —
Протягивал другу старый Пес.
— Какая жизнь! — Барбос ему
в ответ. —
Когда прилечь мне места нет!..
Хозяин мой в погоне за рублем
Сдал отдыхающим-курортникам
весь дом
И, выселив меня, сегодня поутру
Жить перешел в мою родную
конуру...
— Нет, мой хозяин не такой,
Скажу тебе, Барбос, по чести.
Он лето все, как брат родной,
В сарае спит со мною вместе!..
г. Евпатория.

Ахмед ИСХАК

РОМАН ВНЕ КРИТИКИ

— Рецензий нет...
Молчат зоилы!
— Но, друг,
Ведь должен ты учесть,
Что и у них не хватит силы
Роман твой
До конца прочесть!..
г. Казань.

ЭПИТАФИЯ ПОДХАЛИМУ

Под этим камнем
Спит Халим,
Известный миру подхалим.
Всю жизнь
Сгибался он дугой,
Лишь снизу вверх
Он смог смотреть...
Но стал прямой
Струны тугой:
Халима выпрямила
Смерть.

Перевел с татарского
Иван ЗАКОНОВ.

О ЧЕМ МЫЧАЛИ КОРОВЫ

Вы думаете, это только в баснях и сказках животные разговаривают? Ничего подобного. Мы вот точно знаем, о чем мычали две коровы, встретившись за околицей поселка Миндяк. Можем перевести:

— М-му! Дай кусочек соли. Вот как посолониться охота.

— М-му! Не дам. Почему сама не запаслась?

— А где мне взять? Ты колхозная, тебе дают через «Сельхозтехнику», а я неорганизованная.

— Что-то я тебя, корова, толком не пойму.

— Чего тут непонятного! Такие, как я, принадлежат лично рабочим, служащим и ИТР. В индивидуальном их владении. И для нас соли нету.

— Так хозяин у тебя все-таки есть? Вот пусть он и добывает соль.

Неорганизованная корова махнула хвостом и не солоно хлебавши пошла своей дорогой. Откуда ей, бедняге, знать, что ее хозяин уже не раз обращался за комовой (лизовой) солью в Миндякский орс? А Миндякский орс, в свою очередь, вот уже три года тиетно просит эту соль у Росбакалей? Ответ один: нет фондов. Вместо лизовой соли Росбакалей щедро предлагает орсу вишневый мусс, ячменный кофе и концентрат для кексов, а также крем заварной в брикетах.

В самом деле, пусть бы неорганизованные коровы пили ячменный кофе и заедали лимонным кексом с заварным кремом. Чем плохо?

И. ХАЛИТОВ

г. Учалы, Башкирская АССР.

Не уверен — не строй!

У жителей города Гурьевска, Калининградской области, есть одна любопытная особенность. Если во время ожидания автобуса их застанет дождь, они не побегут в павильон, специально для этого выстроенный, а будут стоять и мокнуть, хоть поливая их из всех небесных брандспойтов.

Свое поведение они объясняют так:

— Лучше быть мокрым, да невредимым, нежели сухим, да увечным.

И вы сразу согласитесь с ними, взглянув на этот снимок.

Так стал выглядеть павильон сразу же после того, как «вошел в строй действующих». Только работники дорожно-эксплуатационного участка № 186 успели отпартовать о готовности объекта, как крыша, видимо, не выдержав кликов «ура», обвалилась.

Р. Б.

Контроль в действии

Кассир Просницкого хлебоприемного пункта Кировской области Макушина раза два или три в неделю ездит в Кирово-Чепецкое районное отделение госбанка для оформления денежных операций. Стоимость проезда на автобусе в один конец 30 копеек, а в оба конца 60 копеек.

Вот как оформляются эти деньги. Прежде чем проехать в банк, выписывается командировочное удостоверение. На лицевой стороне удостоверения ставит свою подпись директор пункта Михайлов и прикладывает печать. На обратной стороне удостоверения старший бухгалтер Баранова пишет «выбыла», подписывается и тоже ставит печать.

Расстояние до банка — 20 километров. Через час кассир является туда, и работник банка пишет «прибыла», заверяет своей подписью и ставит печать. Через двадцать минут этот же работник госбанка отмечает «выбыла», заверяет подписью и ставит печать. Через час кассир возвращается на свой хлебоприемный пункт, старший бухгалтер отмечает «прибыла», заверяет подписью и ставит печать.

После этой процедуры кассир составляет авансовый отчет и ставит свою подпись.

Старший бухгалтер заверяет произведенные расходы, а директор их утверждает. Дальше выписывается расходный ордер. Кассир расписывается в получении 60 копеек. Заверяет ордер старший бухгалтер и утверждает директор.

В результате ставится 12 подписей, шесть печатей и прилагаются автобусные талончики.

На вопрос «Почему так делается?» старший бухгалтер Баранова заявила: «Мы к этому привыкли».

Г. БЕЗРУКОВ,
старший бухгалтер-ревизор
ведомственного контроля

Товаровед-заочник

В 78-е почтовое отделение города Москвы вошел человек. Подошел к кассе.

— Я Дубровский, — тихо сказал он и сунул руку в карман.

Кассир поблелел... Нет, нет, это мы просто по инерции. Продолжение тут совсем другое. С какой стати кассиру бледнеть, если Дубровский вытащил из кармана не пистолет Лепажка, а бланк почтового перевода на 92 рубля 50 копеек! Кассир, сохраняя природный цвет лица, спокойно отсчитал полагающуюся сумму, и посетитель, поблагодарив, ушел.

И все же на другой день Дубровский был приглашен к следователю. — Где работаете? — спросил следователь. Дубровский сунул руку в карман. Нет, опять не то! Он извлек из кармана бумажку, которую следователь прочитал вслух: «Справка. Дана Дубровскому Савелию Самойловичу в том, что он с 1963 года работает на строительстве «Нарын-гидроэнергострой» в качестве старшего товаровед-а с окладом 92 рубля 50 копеек в месяц. Начальник отдела кадров Гончарук».

Следователь удивленно спросил: — А... а далеко от Москвы этот Нарын-гидро...

— ...энергострой? — любезно помог Савелий Самойлович. — Да семь тысяч километров набегит.

— Как же вы, извиняюсь, по утрам на работу попадаете?

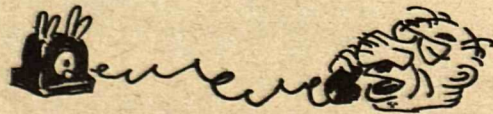
— Гм... Признаться, мне там бывать еще не приходилось. Зарплату я получаю по почте. А руководство надо мною осуществляется при помощи телефона.

— А что вы конкретно делаете? Какие у вас функции?

— В мои обязанности входит разрешение вопросов, которые возникают в процессе ряда работ, — четко ответил Дубровский. — Понятно? Что касается места работы, то я, может быть, еще и съезжу туда. Самому любопытно поглядеть. Как, например, выглядит начальник «Нарын-гидроэнергостроя» товарищ Серый Зосим Львович? Интересно, не правда ли?

Признаемся честно: для нас гораздо интереснее другое. А именно: сколько разные предприятия и стройки содержат в Москве толкачей под видом инспекторов, товароведов и контролеров? Ведь С. С. Дубровский, надо полагать, не единственный представитель этой профессии.

Ю. ЗАБРОДИН

ВИАНЫ В БОК!

КОГО ЕЩЕ ПОПРОСИТЬ?

Алма-Атинскому отделению «Союзсантехпроект» понадобились запчасти к автомобилю «УАЗ-450». Без заявки, сами понимаете, запчасти не будет. А какая ж может быть заявка без каталога?

Где взять каталог? Ну, ясное дело, на самом Ульяновском автозаводе.

Послали туда покорнейшую просьбу. Получили оттуда любезный ответ.

«Каталоги на запасные части к автомобилям Ульяновский автозавод закупает во «Внешторгиздате», г. Москва.

Зам. главного инженера Болотов». Минуты не промедлили алмаатинцы, тут же от-

правили прошение в Москву. И вскорости получили из столицы еще более ласковую бумагу:

«Рекомендуем для приобретения каталога на запасные части к автомобилю «УАЗ-450» обратиться непосредственно к руководству Ульяновского автомобильного завода — заказчику тиража.

Зам. председателя В/О «Внешторгиздат» Р. Морозов».

Теперь управляющий Алма-Атинским «Сантехпроект» тов. Жилин спрашивает нас: к кому в конце концов обратиться, чтобы заполучить злосчастные каталоги? А мы и не знаем.

А. В.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ...

ЕЩЕ РАЗ О СОВРЕМЕННОМ ПЕТРА I

Дорогой Крокодил! В № 7 за текущий год ты воспроизвел заметку из газеты «Саяны» Тункинского района, Бурятской АССР, поведавшую читателям, что в томскую больницу поступил на лечение двухсотлетний старец, видевший Петра I. Обратив внимание на расхождение в цифрах, ты задал резонный вопрос: «Сколько лет старцу?»

Рад удовлетворить твою любознательность. Как мне удалось установить путем исторических разысканий, к указанному в заметке возрасту старца необходимо добавить... 63 года.

И вот почему. Сообщение о старце, который видел Петра I и Екатерину II, было впервые под заголовком «Редкое долголетие» опубликовано в петербургском журнале «Природа и люди» за 1903 год (№ 18, на стр. 293). Причем редакция журнала оговорила, что эти сведения она заимствовала из... английской газеты «Дейли экспресс», которой-де телеграфировали из Томска. Что удивительного, если при обратном переводе с английского на русский затерялась фамилия старца!

А вот удивительно, что газета «Саяны» в наши дни печатает «новость» с бородой более длинной, чем у мифического старца...

Считаю полезным своим открытием поделиться с читателями «Крокодила», дабы геронтологи из какого-нибудь медицинского института не ринулись в Томск на поиски уникального долгожителя. Пожелаем им не тратить зря денег на командировочные расходы, а редактору газеты «Саяны» — бумагу на перепечатку развесистой клюквы из дореволюционных журналов.

Олег РИСС
г. Ленинград.

ОТ КРОКОДИЛА. Действительно, этот старец несколько взбудоражил широкие читательские массы. В редакцию стало поступать много писем, авторы которых интересуются, что именно кушал старец за обедом и как он отдыхал. Короче говоря, всех заинтересовал биологический секрет столь поразительно долголетия.

Но из письма нашего читателя О. Рисса явствует, что дело здесь не в поразительном долголетии, а в поразительной доверчивости некоторых редакторов. И, конечно, нам захотелось узнать, откуда они черпали эту интереснейшую информацию.

Редактор газеты «Саяны» Д. Цыренов немедленно сообщил, что эту заметку они перепечатали из газеты «Улан-Тул». И в доказательство прислал номер этой газеты. Редактор «Улан-Туна» М. Яковлев, в свою очередь, сообщил, что этот факт был опубликован в газете «Красная Селенга», и тоже прислал вырезку.

Правда, там сделана ссылка на первоисточник: журнал «Природа и люди» за 1903 год.

Что касается первоисточников, например, отрывного календаря за 1910 год, куда также успел проскочить этот расторопный старец, то там факт его существования отнюдь не выдается за бесспорную истину. Там, например, говорится:

«Об этом (то есть о старце) в свое время много писали газеты, но насколько были верны документы, хотя и сверенные, сказать трудно».

Так что, возможно, старца и не было...

— Замучился я с вами: целыми днями вверх — вниз, вверх — вниз!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

Пьяница подобен углу: чем больше граду, тем тупее.

Из всех имен собственных он больше всего любил собственное имя.

— Если я не напишу докторскую диссертацию, — воскликнул кандидат наук, — мне этого не простит потопство!

Он имел в виду двух сыновей и дочь.

Р. БЕРКОВСКИЙ

МЫ МОКОЛОМ

Отдел состоял из трех специалистов: двух склочников и одного подхалима.

А. ЧИКАРЬКОВ
И зеркало может быть неотразимым.

В. КАНАЕВ

Гости были недовольны: их встретили только хлебом-солью.

А. МЯЗДРИКОВ

В работе продавца наблюдалась неуравновешенность.

В. СУРКОВ

Критика всегда кажется недостаточно обоснованной.

В зале не хватало мест, и опоздавшим пришлось садиться в президиум.

Н. ЛОВАНОВ

Знаете ли вы, что такое настоящие тропики?

Из тысячи человек, дай бог, один ответит: «более или менее» или «кое-что читал», а остальные будут ждать разъяснений.

Вот я эти разъяснения и дам, а потом уж перейду непосредственно к событиям.

Конечно, в тропиках жарко. Конечно, как это и сообщается в приключенческих романах, повсюду пальмы и хлебные деревья: испеки плод в углях костра и ешь, а запивай соком кокосового ореха. Здесь собирают три урожая риса, а бананы возле дома созревают в любое время года. Попугаи, которых у нас за немалые деньги покупают в зоомагазинах, здесь, точно воробьи, запросто сидят на ветвях придорожных деревьев.

Впрочем, как сказал бы профессиональный докладчик, наряду с тропическими достижениями встречаются и отдельные тропические недостатки.

Идешь, допустим, по дороге и видишь, что со скалы свешивается роскошный цветок. Друг-проводной говорит: «Орхидея». Ты издаешь восторженное восклицание, хочешь сорвать диковинку и слышишь предостережение:

— Осторожно. Ядовито.

А рядом — прелестно пахнущие цветы-хищники. Они запахом приманивают мух и... едят их.

Ты смотришь на цветы жизни — детей — и видишь, что они худы, так что можно разглядеть каждое ребрышко: это следы недоедания многих поколений, следы колониального владычества, — нищета повсюду страшная.

Ступаешь на траву и слышишь:

— Осторожно, сухопутные пиявки.

Знающие люди приводят историческую справку: когда колонизаторы завоевывали страну, несколько чужеземных солдат легли на сочную травку отдохнуть и более не встали: коричневые, маленькие и на вид такие безобидные пиявки, похожие на наших гусениц-землемеров, выпили всю кровь, как говорится, не нарушая сна.

И ты не ступаешь на траву и невольно думаешь, что пиявки — существа не очень-то разумные и вряд ли поймут, что москвич не враг, а друг этой страны.

А ведь советские люди действительно друзья тех, кто испытал жестокости португальских, голландских, английских и всяких иных колонизаторов. И именно из самых дружеских чувств советские инженеры по советским проектам помогают в далеких тропиках строить заводы: первый металлургический, первый шинный, первую текстильную фабрику, первый элеватор. Колонизаторы за бесценно покупали и вывозили

сырье и втридорога продавали свои промышленные товары.

Едешь по городу и видишь автомашину с длинным грузом — рельсами или еще чем-нибудь. У нас на конце такого груза — красный флажок. Казалось бы, грош стоит лоскуток материи. Ан нет, здесь все по-другому и вместо драгоценного кумача к рельсу привязывают букет гигантских красных цветов. Тропики!

Не помню уж точно, по какому торжественному случаю я был приглашен на товарищеский ужин.

Столы накрыли в «рестхаузе» — этаким маленьком сочетании турбазы и экзотического ресторана. Кстати, в рестхаузе вас предупредят: закрывайте чемоданы на замок. О нет, не от воров, — священные обезьяны безнаказанно влезают в комнаты и устраивают ревизию ваших вещей. Тропики!

Итак, столы накрыты в рестхаузе, на песчаном берегу океана, в окружении пальм. Легкий бриз, дующий с юга, то есть с Антарктиды, приятно овеивает тела, распаренные влажной тропической жарой.

Моим соседом по столу оказался улыбающийся кудрявый

красавец в белоснежной рубашке. Он сам меня пригласил: — Садись, генацвале!

Я сел, и сосед первым делом спросил:

— В Тбилиси бывал?

Пришлось признаться, что еще нет.

Я слышал, что грузинский металлургический комбинат в Рустави причастен к подготовке тропических кадров металлургов, и сразу сообразил: этого молодого наставника позвали на праздник его благодарные ученики.

Сначала за столами произносили речи, потом перешли на тосты, а в паузах пили и закусывали.

Подали первое блюдо, и мой сосед, видимо, соскучившийся по всему, что связано с родными местами, сказал:

— Попробуй, генацвале! Вкусно! Похоже на чахохбили!

Он аппетитно причмокнул, закатил глаза от восторга и нараспев протянул:

— Ай вай, вай, вай!

Рис с острейшим соусом сосед именовал подобием плавки или плова, колбасу счел близкой к дзехви, а когда подали рыбу, даже в ладоши захлопал и радостно обьявил:

— Ну, настоящее цоцхали!

Комментируя блюда, он сообщал чудеса про Тбилиси и его обитателей (а особенно обитательниц), не забывая подливать мне из разных бутылок, так что я закрепил полученные на родине знания о цинандах, напареули, мукузани, твиши и еще десятке вин.

Когда застолье кончилось, я попросил соседа:

— Покажи бы вы мне, генацвале, своих учеников. Как они, толковые ребята?

Кудрявый красавец стал смущенно пощипывать грузинские усики и вдруг... отошел. Я решил, что невольно совершил в разговоре какую-нибудь оплошность. Увидев знакомого работника советского посольства, задал ему вопрос:

— Скажите, этот красивый грузин — наш инженер? Или, может, он снабженец, а я, приняв его за инженера, смутил вопросом об учениках?

Товарищ из посольства рассмеялся:

— Это местный житель. Из деревушки в джунглях, километра за два от рестхауза.

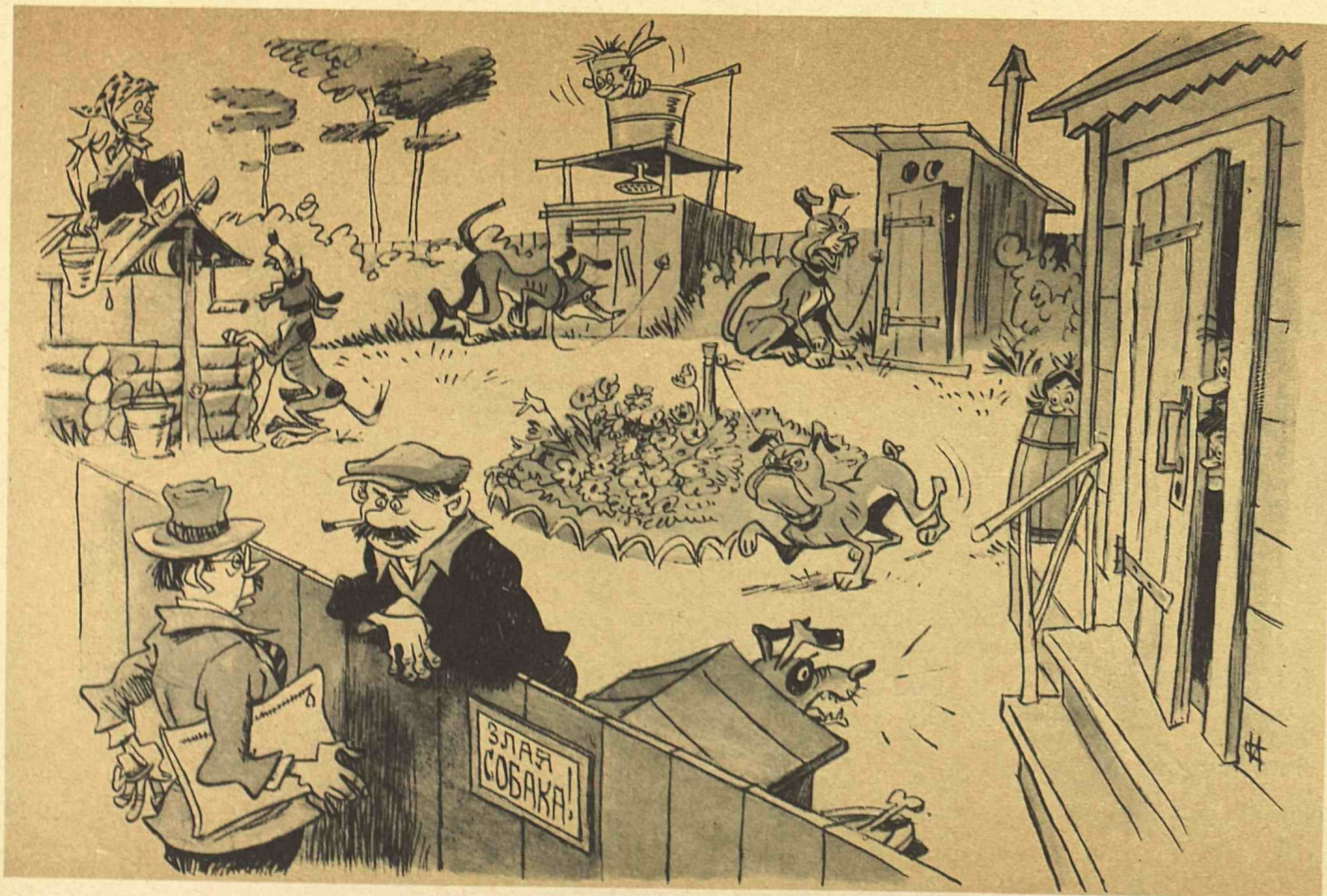
— Разыгрываете, — не поверил я. — Да он только и делал, что перевозил выдающиеся качества грузинских кушаний и вин. Тбилиси хвалил. Молодым грузинкам отдал все восторженные слова. А усики? А акцент? Взгляните, вы, наверное, не о том говорите.

— О том. Он проходил практику в Рустави, жил в Грузии, его там хорошо, по-дружески принимали, и ему все очень понравилось. Землякам-то он всем рассказывал про Закавказье, а вы, новый человек, любезный слушатель, — для него сущий клад.

Я подошел к соседу, и он подтвердил, что все именно так, как сообщил товарищ из посольства. Еще он добавил:

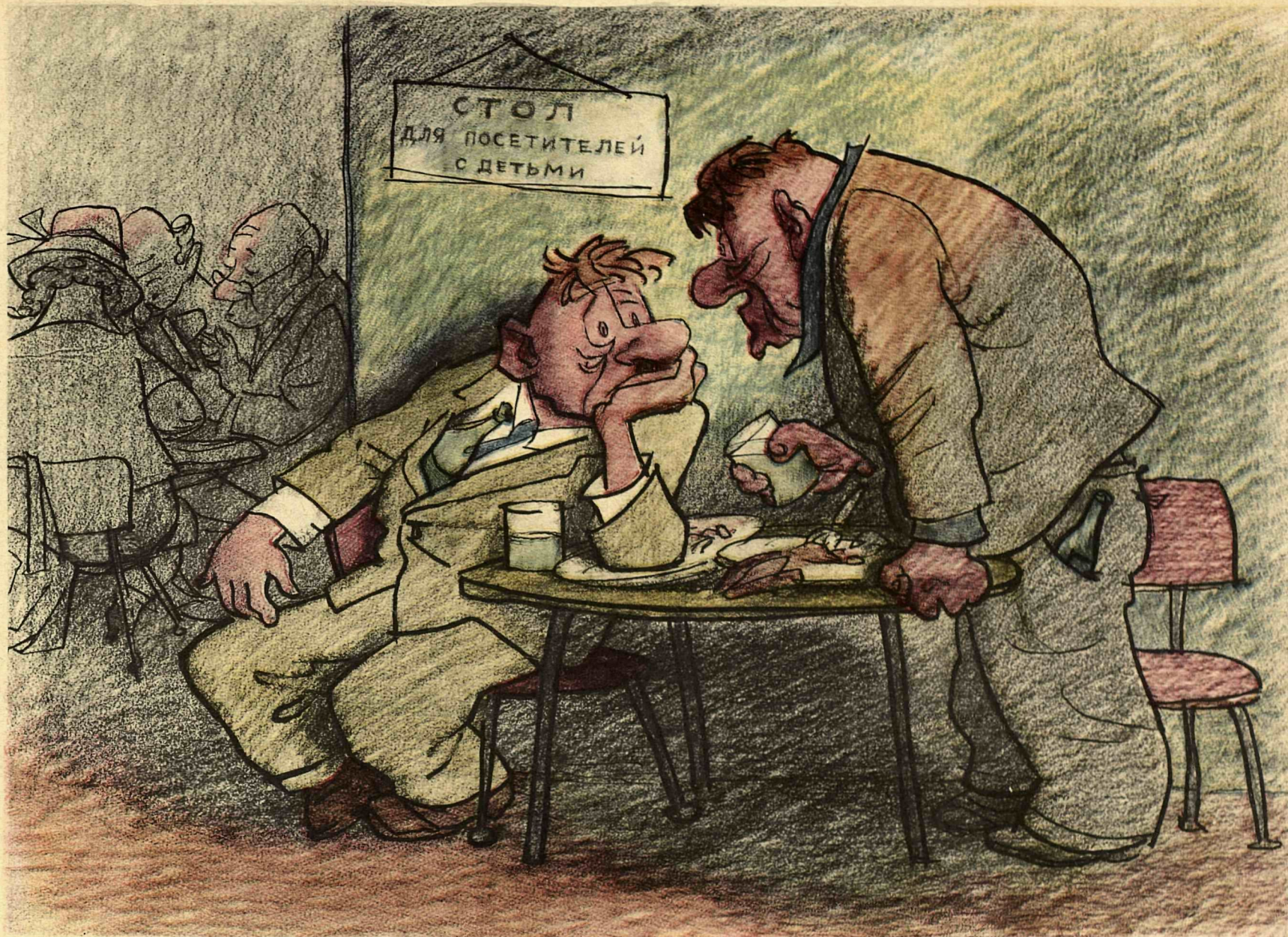
— Ученики у меня будут, когда начнется строительство второго металлургического завода. Вы не сомневайтесь!

В Рустави, поди-ка, и не знают, какой у них появился генацвале-пропагандист. И, главное, где? В тропиках!

— А у меня дачники тихие, спокойные...

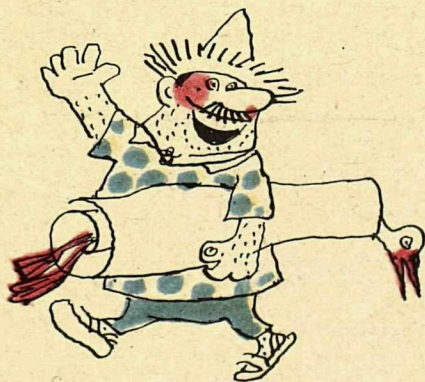
Рисунок Н. СЫЧЕВА

— А ну, скажи «ма-ма».

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

За опытом...

В первом часу ночи в коридор вышел из купе взъерошенный человек в зеленой пижаме.

— Послула бригада,— удовлетворенно произнесла пижамка, заметив скучавшего в проходе пассажира в голубой майке и тапочках на босу ногу.— Разрешите прикурить... Вы, часом, не из делегации?

— Нет, я сам по себе...

— Бывает,— согласилась пижамка.— А мы вот— делегация. С завода по производству ваксы и зубного

порошка. Ребята послули, а мне жребий выпал: через час узловая станция, коньяком запастись нужно к утру.

— Почему же такая срочность?

— Да припасы все иссякли, а путь у нас долгий, на Дальний Восток думем, за опытом...

— Далековато... Неужели в европейской части страны нет однородных предприятий?

— Как же, есть... Только все мы их уже освоили.

Пижаму, видимо, распирало от желания поговорить, и, затянувшись сигаретой, она приступила к монологу.

— Хорошее это дело — обмен опытом. Страну можно посмотреть, людей... Ну и опытом обогатиться, понятно. Вот не ладилось у нас одно время с ваксой. Прихватывала все: щетку сапожную, обшлаг брюк; окурки даже к ботинкам прилипали. Не вакса, а гуммиарабик. Мы уж и так и сяк колдовали над ваксой — ничего не получается. Вот и решили мы тогда махнуть за опытом.

Тут спор завязался. Механик наш из Сызрани — все в Сызрань тянул. «Я,— говорит,— двадцать лет матери не видел, не знаю даже, жива ли». А начальник цеха на Витебске настаивал. У него там какая-то подруга

детства проживает. Ну, порешили мы: ни нашим, ни вашим — и поехали в Брянск. Ох, и грузди же в Брянске, доложу я вам...

— Ну, и что же с ваксой?

— Да ничего. У них тоже клеилась. Пришлось на Днепропетровщину махнуть. Неделю там по ваксельным фабрикам рыскали. Какое там пиво, особенно в Днепродзержинске! Двойное, тройное!.. А самое главное — раки. Ух, аж страшно, бывало, братья за них! Возьмешь такого с усами... Сам красный, как рак, а усищи туда-сюда мотаются... Только и тут нам с ваксой не повезло. Потом в Поньри двинули.

— А в Поньри-то зачем?

Пижамка немножечко замялась, но, махнув рукой, призналась:

— Дело было под осень, а в Поньрях антоновка — мед. Еще триста верст до станции, а уж антоновкой несет. Килограммов по сто привезли в багаже.

— Ну, а вакса?

— Понимаете, завода нашего профиля в Поньрях не оказалось. Скандальчик вышел. Бухгалтер финансовых отчетов не принимает. Так мы ему сувенирчик из Поньрей — гуся на полпуда: гуси там на яблоках воспитываются. Такие бандиты... Не устоял бухгалтер.

Вот так и мотаемся по белу свету,— вздохнула пижамка.— Решили наконец проблему клейкости, а тут ко-

робки перестали раскрываться. Понимаете ли, потребители их молотком открывали. Разве это дело? Ну, значит, свистать всех наверх. Двинули в Нежин. Но не повезло там: огурцами объелись. Всей делегацией две недели потом на больничном были. А как поправились, в Туапсе съездили, оттуда в Архангельскую область, затем в Конотоп. А тут новая задача появилась: зубной порошок наш, потребитель жалуется, десны дерет. Вот и едем теперь на Дальний Восток. Механик — чудак большой у нас. Все уговаривал в Петропавловск-на-Камчатке слетать. Крабы, говорит, там прямо по улицам ползают. Но мы не рискнули. Уж лучше в Чехословакию или Польшу съездить, там, говорят, столы знаменито сервируют.

Поезд загромыхал на стрелках.

— Вот и узловая станция,— обрадовалась пижамка...— Пока... Заходите утром, гостем будете...

— Простите, а как же с коробками? На каком заводе вы опыт открывающих крышек восприняли?

— С коробками? Все в порядке. В дороге мы письмо получили с завода. К нам тут парнишка, слесарь один, пришел. Поковырялся, пишут, день-другой в пресс-штампе и, представьте себе, наладил его, стали открываться коробки...

А. ЯРМАЛЬ

г. Донецк.

Поскольку конституция США запрещает одному человеку два раза подряд занимать пост губернатора, бывший губернатор штата Алабама расист Джордж Уоллес протасил на этот пост свою жену — Лэрлин Уоллес.

Семейная эстафета.

Рисунок Е. ГУРОВА

ВИТАМИНЫ

Когда бруклинские полицейские обнаружили труп пятидесятилетнего миссис Флоренс Купер с десятком ножевых ран, допрос, как обычно, начали с родственников. На второй день очередь дошла до Стифена Генри Кесслера, зятя покойной.

— Ну-с, что вы можете сообщить нам? — зевая, спросил полицейский.

— Я что-нибудь натворил? — вздрогнул Кесслер. — Убил свою жену? Изнасиловал кого-нибудь?

— А тещу свою вы часом не порешили? — гордясь своей иронией, поинтересовался полицейский.

— Вполне может быть... Знаете, я вот уже три дня летаю на ЛСД.

— А-а, — сказал полицейский, доставая наручники...

Полицейский, допрашивавший Стифена Кесслера, несколько не удивился, узнав, что тот уже три дня «летает на ЛСД». Дело в том, что ЛСД не самолет, и чтобы «полететь», вовсе не нужно отправляться в аэропорт. Достаточно заплатить пять

МЕМОАРЫ БРАВОГО ФРЭНКА

Просматривая недавно мемуары участников второй мировой войны, изданные в США, я наткнулся на броские, интригующие заголовки:

«Моя четырехлетняя война с красными», «Как велик обман русских?».

«Вероятно, — подумал я, — авторы этих книг — битые гитлеровские генералы». Каково же было мое удивление, когда на титулах книг я обнаружил имя бригадного генерала армии США Фрэнка Лео Хаули.

Я снял с полки еще несколько томов. Это были мемуары о послевоенных «кознях красных» на огромной территории — от Южной Кореи до Северной Африки. И на этих книгах стояло все то же имя — Хаули.

Фрэнк Лео Хаули... Черт возьми! Я, кажется, знаю этого генерала. И память возвратила меня к событиям почти двадцатилетней давности, к мрачному особняку на Гельфертштрассе в Западном Берлине.

В течение четырех лет здесь восседал человек, широко известный, по его собственному признанию, под кличкой «скотина красных» на огромной территории — от Южной Кореи до Северной Африки. И на этих книгах стояло все то же имя — Хаули.

Бригадный генерал Хаули заслужил на своем берлинском посту репутацию яркого покровителя фашистов и организатора крупных политических диверсий. Но это была, так сказать, одна сторона его деятельности. Вне службы «скотина-генерал» вел себя в полном соответствии с этой выразительной кличкой. Он потоком направлял по воздушному мосту в Филадельфию все, что попадало под руки, — от уникальных картин из немецких музеев до посудных сервизов, а его буйные пьяные оргии и охота на женщин были известны всему Берлину. Наконец окончательно скомпрометировавший себя американский комендант

был отозван на родину. Он поспешно ретировался из Берлина, прихватив три вагона наворованного добра.

Итак, жив курилка! Я углубляюсь в чтение его первой книги, «Моя четырехлетняя война с красными», и передо мною вновь выступает фигура гаулейтера в американском военном мундире, рассматривающего вторую мировую войну лишь как эпизод на пути к «большой войне» с русскими и завоеванию Соединенными Штатами мирового господства.

«Будучи заместителем коменданта Берлина, а затем комендантом, — пишет он, — я в течение четырех лет не спал ночи напролет, думая о том, как мне справиться с русскими».

Да, кто бывал в Берлине в те годы, помнит, как Хаули дирижировал разбойничьими налетами на городскую железную дорогу, засылал лазутчиков на территорию ГДР, провоцировал пограничные конфликты. Разумеется, тут было не до сна!

Во всех своих четырех книжках берлинских мемуаров Хаули тщетно пытается доказать, что он и его соотечественники чуть ли не самостоятельно победили Гитлера и заслужили поэтому право занять хозяйское место в побежденном Берлине.

Какие же воинские подвиги совершил мемуарист в войне с гитлеровцами? На каких фронтах прославился? Проследим это по его же записям.

1943 год. Фрэнк Хаули отправляется из Филадельфии в штат Джорджия. Во время передвижения воинской части он, хватив флягу виски, свернулся с мотоцикла и на несколько месяцев залег в госпиталь. Потом Фрэнк переключивается в кавалерию. Во время очередной офицерской попойки вспыхивает скандал, и Фрэнк с разбитой физиономией вновь попадает в госпиталь. Так закончился для него 1943 военный год.

1944 год. «Филадельфийский работник рекламы Хаули, — пишет о себе ав-

тор, — превратившийся в лихого кавалериста, внезапно стал работником военной администрации. Моя мечта выйти один на один с германской армией развеялась в прах... Итак, я становлюсь военным губернатором, сначала в Шербуре, когда пал этот город, затем офицером по гражданским делам в Париже».

1945 год. В Париже между Фрэнком Хаули и представителем англо-американского верховного командования генералом Холмсом происходит следующий диалог (в записи автора мемуаров):

Холмс. Фрэнк, вы хотите отправиться в Берлин?

Хаули. С радостью, я закончил свои дела в Париже, и мне хотелось бы быть на главной линии. Берлин — это звучит внушительно.

Вы думаете, что после этого brave Фрэнк немедленно отправился в Германию, чтобы хоть на последнем этапе войны принять участие в боях? Ничуть не бывало! Хаули сперва направил свои стопы в Барбизон, «в спокойное местечко, — пишет он, — вдали от столбовой дороги». Поездка в Барбизон мотивировалась необходимостью «специальной подготовки ко всем неожиданным американской передовой группы, предназначенной для Берлина».

Какой же подготовкой к встрече с нацистами занимался в Барбизоне «передовая боевая группа» будущего американского коменданта Берлина? Предоставим слово автору мемуаров:

«...Я находил утешение в лесах близ Барбизона. Там было множество оленей, и у нас было несколько удачных охот на кабанов до тех пор, пока однажды мы не убили самку и не обнаружили, что это был сезон, когда выводились детеныши...»

В перерыве между охотой и пьянством, как свидетельствуют записи в его дневнике, группа Хаули изучала приемы джиу-джитсу и тренировалась в стрельбе по близким целям.

Наконец, в июне 1945 года, «все боевые приготовления» были закончены, и 17 июня этот герой второй мировой войны торжественно въехал в освобожденный Берлин в сопровождении личной охраны — 500 офицеров и солдат и 120 машин, которые, по его словам, «ощетинились» американскими пулеметами, предназначенными для буйных немцев.

Четырехлетнее пребывание Хаули на комендантском посту закончилось неожиданным отзывом из Берлина. Хаули с грустью сообщает:

«Я с сожалением оставил большой замок на лесистой горе. В моей комнате была ванна с мраморными ступенями, и из моего окна в глубине просеки виднелся пруд с дикими утками. При замке было озеро с парусными лодками, в лесах была дичь, а хозяйство насчитывало 136 коров. Жизнь обещала много приятного...»

Да, жизнь в Берлине обещала много приятного, но Хаули все же пришлось убраться оттуда.

Очутившись в родимых Штатах, brave Фрэнк не вернулся к торговой рекламе. Он торгует более ходовым товаром — неистовым антикоммунизмом.

Фрэнк Хаули интересует не только Европа или Азия. Он лезет — пока лишь пером авторучки — в Анголу, Алжир, Тунис, Марокко. Его девиз — неоколониализм, беспощадное подавление прогрессивных сил и «благоденствие» Африки под эгидой Соединенных Штатов. Именно это проповедуют его книги «Народы и полицейские», «За террором в африканской Анголе» и другие описи.

Внешне это книги как книги: солидные, тисненные золотом переплеты, оглавления, примечания. А начнешь читать — пошлый и траченный молью антикоммунизм.

Г. ОСИПОВ

ДЛЯ МОЗГОВ

долларов, и в распоряжении желающего окажется доза сильнодействующего препарата (сокращенно именуемого ЛСД), который вызывает при приеме внутри длительные галлюцинации. Находиться под воздействием ЛСД — это и значит на жаргоне американских наркоманов «летать».

До недавнего времени этот препарат, синтезированный четверть века тому назад в Швейцарии, не выходил за порог лабораторий. Теперь же ЛСД, по выражению журнала «Ньюсуик», «становится национальным увлечением».

Главный пророк ЛСД, бывший профессор Гарвардского университета Тимоти Лири, называет его «витамином для мозгов». Не особенно полагаясь на свой интеллект, он предпочитает галлюцинации.

Профессор не одинок. По самым скромным подсчетам, свыше миллиона американцев регулярно и добровольно отгораживаются при помощи ЛСД от реального мира дымовой завесой бредовых галлюцинаций.

Нелады американцев с действительностью — явление для социоло-

гов и врачей не новое. Психиатр из университета Вандербиля доктор Джон Гриффит подчеркивает, что в прошлом году каждый второй рецепт, выписываемый врачами, включал какое-либо лекарство, действующее на мозг. Помимо аптек, процветает и нелегальный рынок бодрящих и успокаивающих таблеток. Они расходятся в чудовищном количестве, примерно шесть-семь миллиардов штук в год, то есть по тридцать пять таблеток на каждого американца — от грудных младенцев до глубоких старцев.

Если добавить еще к этому такие печально известные наркотики, как героин и марихуана, то число американцев, чьи мозги находятся под регулярным воздействием «витаминов», не поддается определению.

Как это уже случалось не раз, фантасты оказываются обойденными действительностью. Несколько десятков лет тому назад Олдос Хаксли в книге «Смелый новый мир» описывал общество, члены которого постоянно живут на «психических» таблетках и пилюлях.

Хаксли оказался прав. Только нынешний американский мир далеко не смел. Это трусливый мир, воздвигающий против действительности таблеточную крепостную стену. Нагло тавшись ЛСД и погрузившись в гал-

люцинации, наркоман устремляет взор на собственный пупок, очевидно, находя в нем все то, чего не хватает действительности.

Вот, например, описание галлюцинаций одного двадцатидевятилетнего студента Йельского университета: «Я лежал на земле и смотрел в небо. Я видел вокруг себя растения и видел соки, текущие в их листьях и клетках. Они были очень дружелюбны ко мне, и я любил их. Я почувствовал, как сам становлюсь деревом и пускаю корни. Я был счастлив, что меня окружают друзья...»

Не нужно быть психиатром, чтобы истолковать эти растительные видения. Парень явно тяготеет к одиночеству, враждебностью окружающей среды, если он рад стать деревом, лишь бы почувствовать дружеское расположение других деревьев...

Стоит ли говорить, что наркоман отвергает не только человеческое общество, но и культуру? Уже упомянутый нами профессор Лири заявляет: «ЛСД отвергает гармонию. Когда я слышу современную бесприметную музыку — это музыка ЛСД. Когда же я слушаю Бетховена, мне хочется сказать: «О, хватит, Людвиг, брось эту ерунду». Зато художник-сюрреалист Дали — художник ЛСД...»

Среди американских социологов уже немало адвокатов «Века мозго-

После «полета на ЛСД» Кесслер идет на посадку в полицейский участок.

вых витаминов». Доктор Сидней Коэн говорит: «Представление, будто мы можем жить в нашем обществе без перенапряжений и конфликтов, относится к числу величайших заблуждений». А раз так, подразумевает мистер Коэн, то всякое средство, дающее возможность бежать от этих «перенапряжений и конфликтов», — благо.

Ох, уж эти адвокаты! Сколько их было, кто боялся говорить о переделке общества, предпочитая перекладывать человека хотя бы с помощью наркотиков и галлюцинаций...

З. ЮРЬЕВ

Власта СМРЖОВА

В гостях у стариков Кетчупов

Чета Кетчупов из села Верхние Долины собиралась отпраздновать золотую свадьбу. «Неплохо бы тиснуть об этом репортаж», — решили у нас в редакции. И вот я и литсотрудник Венцман приехали в Верхние Долины. Оказалось, что свадьбу сыграли уже две недели назад. Ну, не беда, все равно можно узнать много поучительного. Ведь у Кетчупов восемь детей, шестнадцать внуков и десять правнуков.

Когда мы пришли в дом Кетчупов, семья обедала. Мне сразу же не понравился в корне неправильный состав их меню.

— Ах, бабуся, — говорю я, — яйца после сорока лет — это же яд! А о салате и говорить нечего. Будь вы знакомы с принципами рационального питания, вы бы дожили до глубокой старости.

Помидоры я тоже охарактеризовала как небезопасную еду, способствующую раковым заболеваниям, но Венцман, мой спутник, шепнул мне, что эта точка зрения уже устарела и некоторые авторитеты, наоборот, всячески рекомендуют помидоры.

Бабу Кетчуп укачивала младшего правнука, во рту которого я заметила соску. Я тотчас разъяснила старушке, что, во-первых, детей не следует укачивать, а во-вторых, соска — это отжившее и негигиеничное изобретение. Но без соски младенец стал орать благим матом, и я тотчас сунула ему соску обратно, потому что иначе не могла бы продолжать интервью.

— Вот вы, бабушка Кетчуп, вырастили восемь детей. Скажите, учитывали ли вы при этом их индивидуальные склонности? Какими принципами вы руководствовались?

— Да уж как пришлось — ответствовала бабу. — Если, бывало, наозорничают, отшлепаю их как следует. Или поставлю в угол на горшок.

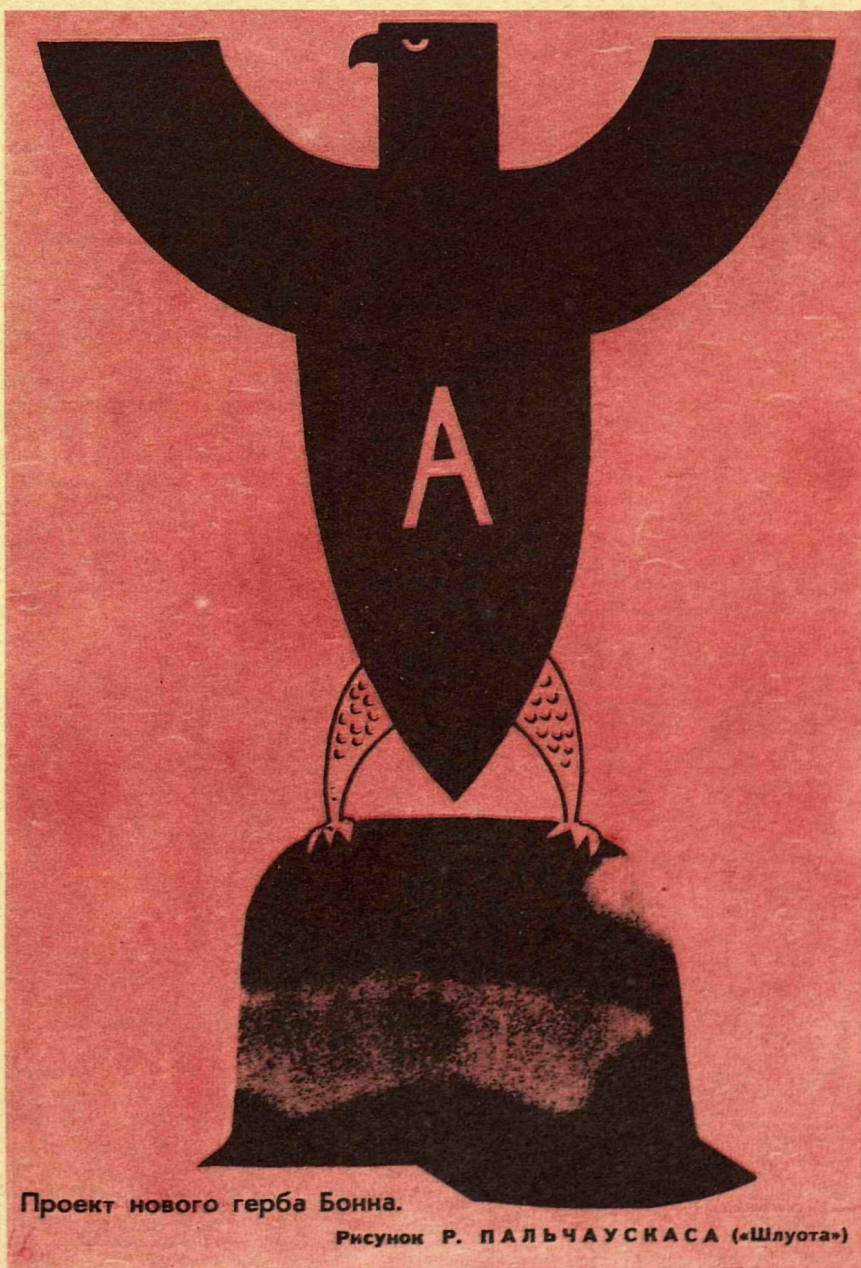
Мне стало ясно, что эта добрая женщина понятия не имеет о педагогике, не говоря уже о психологии ребенка.

Вопросы половой проблематики (об этом сейчас много пишут) взял на себя мой коллега Венцман. Он остался с дедом в доме, а я устроилась с бабушкой на лавочке у порога. И стала объяснять ей, что жизнь — это сложная штука: чтобы жить правильно, долго и полнокровно, надо обладать солидным багажом в самых различных областях знания. Для воспитания детей необходимо минимум среднее образование: ведь надо так много знать по санитарии, гигиене, кулинарии, домоводству! А взять, например, искусство одеваться: надо же разбираться, что к чему идет, какие цвета соответствуют друг другу, какие носить украшения. Да еще косметика и все прочее. А походка! Правильная и красивая походка требует долгой тренировки и теоретического обоснования. Есть еще искусство любить... и искусство расставаться. Век живи, век учишься, жизнь — сложная штука...

Философствуя таким образом, я поела бабкины пышки, выпеченные в негигиеничной деревенской печи. Вдруг дверь распахнулась, и из нее выбежал коллега Венцман. Его догонял разъяренный дед Кетчуп с ремнем в руке. Видимо, его вывела из себя эта половая проблематика...

Дед бежал неправильно, неспортивно, ему явно не хватало элементарной легкоатлетической подготовки. До сих пор удивляюсь, как ему удалось догнать коллегу Венцмана...

Перевел с чешского Ю. МОЛОЧКОВСКИЙ.

Проект нового герба Бонна.

Рисунок Р. ПАЛЬЧАУСКАСА («Шлуота»)

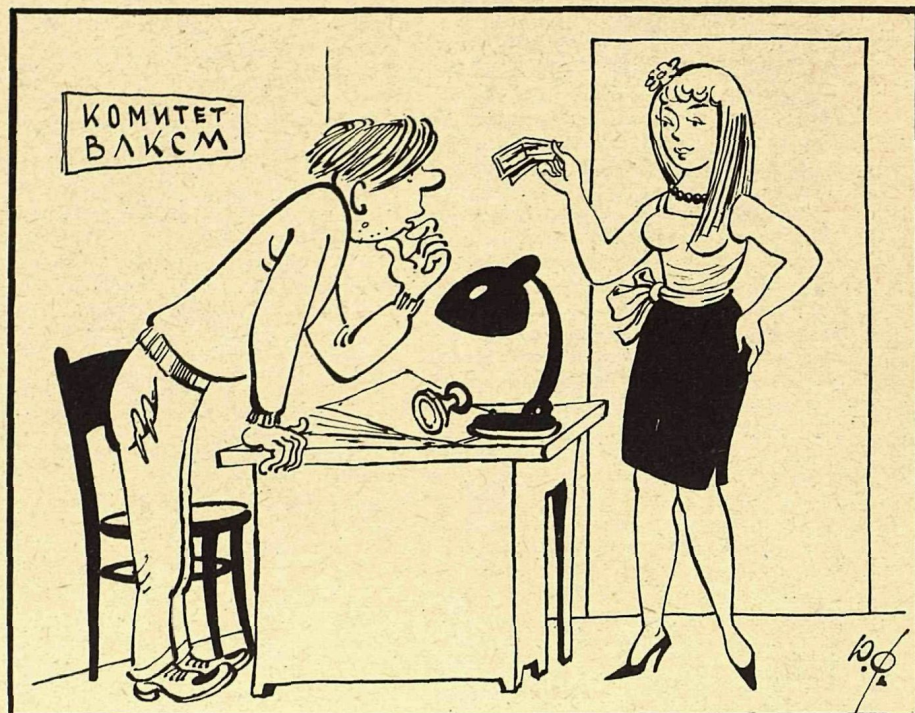
Недостатки в деятельности пионерской организации зависят прежде всего от подготовки кадров пионерских работников. Многие из них рассматривают свою работу как временную, побочную.

— А вы сумеете работать с детьми?
— А что тут уметь-то? У меня у самого два таких оборота!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Иной комсомольский работник, ссылаясь на занятость, редко ходит в кино и театр, читает урывками. Ему кажется, будто это подчеркивает его деловитость.

— Пойдем в театр? Есть два билета...
— А где решение бюро по этому вопросу?

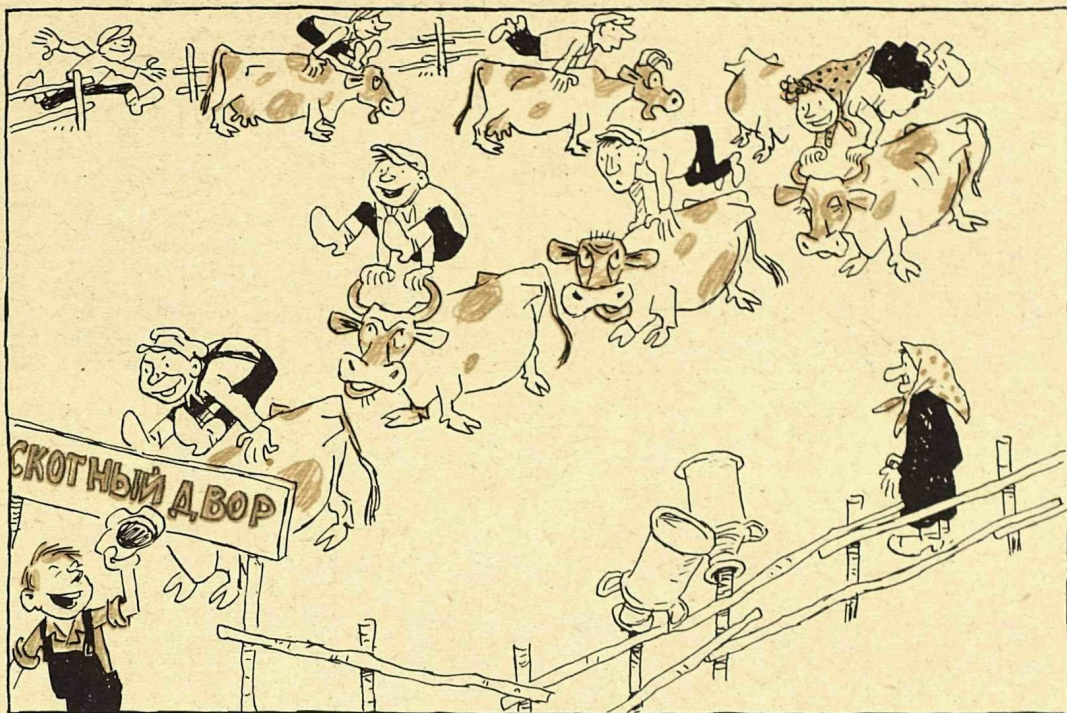
Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Недавно завершил свою работу XV съезд ВЛКСМ. Пять дней в Кремлевском Дворце съездов заседали лучшие представители двадцатитрехмиллионной армии Ленинского комсомола. На третий день число делегатов увеличилось еще на одного: во Дворец пришел «Зубастик» — младший брат «Крокодила». Напечатанный специально к съезду, шестнадцатистраничный «Зубастик» пришелся по душе делегатам и гостям.

Выступления, прозвучавшие на съезде, подсказали нашим художникам немало новых тем; некоторым из них посвящены рисунки, публикуемые на этих страницах.

За последние годы в животноводство пришли сотни тысяч юношей и девушек. А покинуло фермы примерно столько же или даже больше. Это в значительной мере объясняется тем, что молодым животноводам не создают необходимых условий для труда, учебы и отдыха.

ПРОХОДНОЙ ДВОР

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

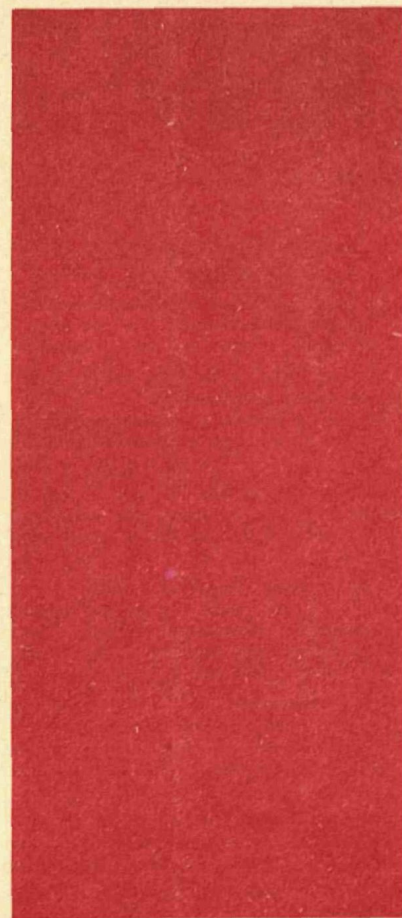

— Вы последний звонить в милицию?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Нужны молодые силы, энтузиасты, для которых труд в сфере обслуживания стал бы призванием. Комсомолу следует направить в учреждения бытового и коммунального обслуживания, в торговую сеть молодых квалифицированных работников.

УХОДИЛИ КОМСОМОЛЬЦЫ...
...В СФЕРУ ОБСЛУЖИВАНИЯ.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Новаторы в почете. Их слава манит... Поэтому приобщиться к ней готовы многие.

— Эх, была не была, подамся в новаторы! А то выступлю застрельщиком нового почина. Благодарного, конечно.

Такой застрельщик напорист и не теряет времени даром. При первом же подходящем случае он карабкается на трибуну и публично объявляет, что открыл новый квадратно-гвоздевой метод, который дает возможность вырастить тыкву размером с железнодорожную цистерну.

Почин есть почин. Не поддержать его грешно. И новатор ходит гоголем.

Сам по себе бахчевой гигант никого не интересует. Хотя бы потому, что такая неудобная тыква никому не нужна. Да и вообще дело совсем не в ней. Важна суть — начинание и квадратно-гвоздевой метод. Короче говоря, главное — шагать в ногу с жизнью.

Подчиняясь этому требованию, работники потребкооперации в свое время создали большой форум сельских заготовителей, в обязанности которых входила заготовка свиных и коровьих шкур. Представитель вышестоящей инстанции выступил на форуме с речью.

— Хорошо мы работаем, товарищи, но должны работать лучше!

— Возьмем два плана! — зычно гаркнул в ответ начальник какой-то заготконторы.

— Два, товарищи, мало.

— Возьмем три!

Взяли.

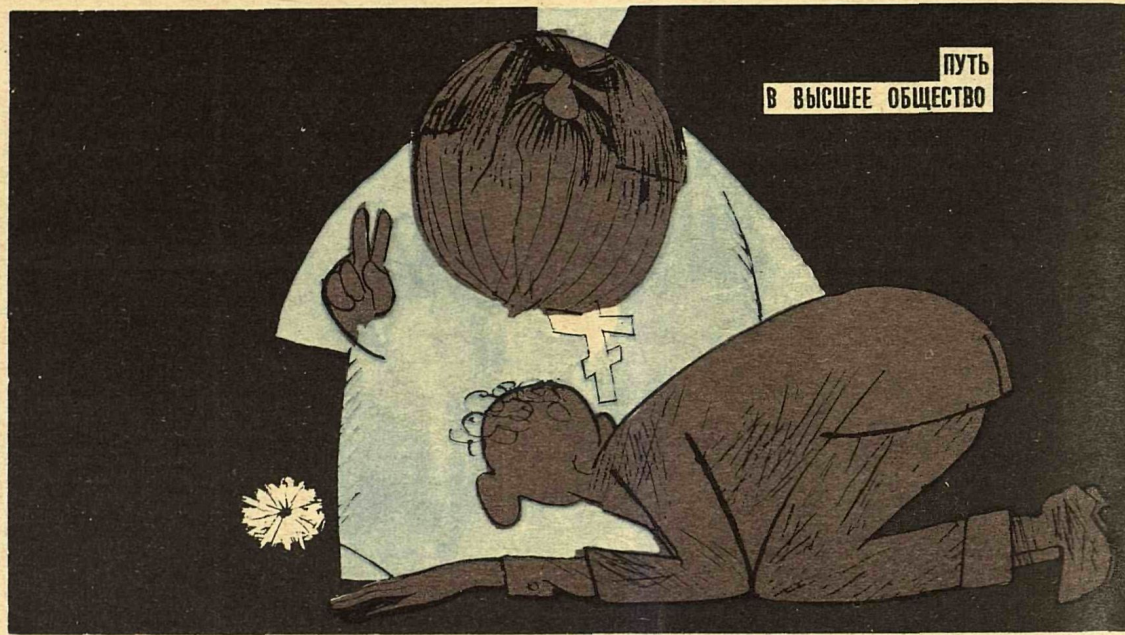
В системе «Легсбытсырья», которая принимает заготовленные кооператорами шкуры и передает их промышленности, тоже не захотели пле-

ПЕРЕАТТЕСТОВАННЫЙ
КОЗЕЛ

ШКУРНОЕ

а.голуб, б.данелия

ПУТЬ
В ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО

стись в хвосте. Там собрали свой форум и провозгласили лозунг:

— Упростим учет! Сократим управленческий аппарат!

Новый почин начисто сметал окостеневшие статистические догмы и открывал широкий простор творческой инициативе на местах.

До сих пор сырьевые базы, принимая шкуры, учитывали вес, сорт и размер каждой из них в отдельности. Теперь сырье можно было принимать по весу, не учитывая количества, или по количеству, не учитывая веса.

Министр легкой промышленности СССР приказом от 12 февраля 1957 года идею в целом одобрил и инициативу поддержал.

О том, что из этого получится, никто думать не стал. Ни в министерстве, ни в главках.

Но мыслящие люди все-таки нашлись.

Создавшаяся ситуация глубоко заинтересовала, к примеру, трех жителей города Одессы. Да и как было не заинтересоваться! С одной стороны, повышенное обязательство, а с другой — упрощение учета, граничащее с полной отменой контроля. Ситуация чертовски соблазнительная.

На форумах еще звучали торжественные речи, а три энергичных одессита — Косой, Пальковский и Соколов — уже разыскивали кожсырьевую базу.

База, как выяснилось, расположилась на окраине города, в тихой улочке, которая даже не связана с центром города пассажирским транспортом.

Одесситам пришлось положиться на свою смекалку.

— Я думаю, — сказал возглавлявший компанию Пальковский, — что если у шофера автобуса появится материальный стимул, то он может на минуточку свернуть с маршрута.

Обожавший индивидуальные средства передвижения Соколов брезгливо поморщился.

— Уж если речь идет о стимуле, — возразил он, — то лучше застимулировать шофера такси.

— Допустим, — скептически ухмыльнулся Косой, — на такси мы доедем туда. А на чем будем добираться обратно? По-моему, самое правильное — это приобрести собственный автомобиль.

Все трое поспешили на одесскую барахолку. Покидали они ее в пятиместном лимузине.

Вскоре автомобиль подъехал к большому деревянным воротам. Около них толпились заляпанные грязью грузовики. На заборе висела ржавая вывеска:

«Одесская межобластная кожсырьевая база».

У проходной нес вахту усатый сторож с дробовиком. Завидев элегантный лимузин, служака взял на караул. Три горожанина на ходу кивнули охраннику и проследовали на территорию базы.

За каких-нибудь 20 минут они деловито осмотрели складские постройки, надворные сооружения, успели по-хозяйски заглянуть во все уголки. Затем остановились посреди двора и стали совещаться.

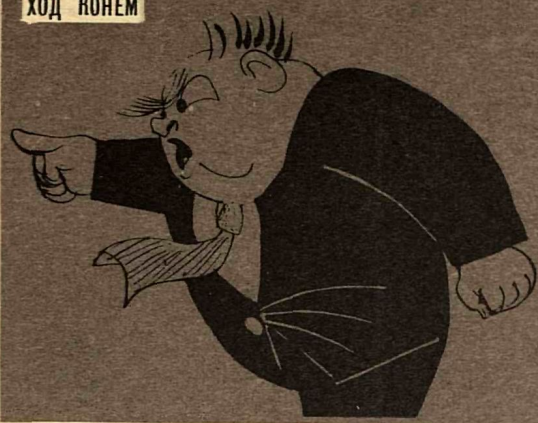
— Этот склад мы надстроим, а сарай уберем, он стоит на дороге, — прикидывал Пальковский. — В заборе надо пробить вторые ворота. Так сказать, черный ход... Совсем не обязательно, чтобы все подъезжали к парадному входу. Словом, придется поработать.

— Зато овчинка стоит выделки, — подхватил Соколов, многозначительно поднимая вверх указательный палец. — Тем более, если эта овчинка — золотое руно!

— Почему вы решили, что оно золотое? — усомнился Косой. — Ведь мы не знаем, какой экономический эффект даст эта контора.

— Послушайте, что мы тут гадаем на кофейной гуще? — прерывая прения, сказал практичный Пальковский. — Давайте пригласим главбуха, и пусть он нам все обоснует.

ХОД КОНЕМ

ДЕЛО

Бухгалтер словно ждал вызова у дверей конторы. Зажав под мышкой гроссбух, он, несмотря на свои восемьдесят лет, колобком скатился по лестнице.

Узнав, что именно интересует посетителя, финансист раскрыл книгу и, лизнув языком палец, стал листать страницы.

— Приход... расход... А вот и чистый доход — миллион.

— Миллион?

Любопытные посетители заметно повеселились.

— Да, да, — сладко зажмурился Пальковский, — этот склад мы надстроим, а сарай уберем. Он стоит на дороге.

— В заборе надо пробить вторые ворота, — мечтательно сказал Соколов, — так сказать, черный ход.

— Совсем не обязательно, чтобы все подъезжали к парадному входу, — ласково похлопав главбуха по плечу, доверительно сообщил ему Косой. — И вообще все сырье будет идти транзитом.

Самоуверенные посетители продолжали осматривать территории. Кто-то пустил слух, что на базу прибыло новое руководство. Перепуганный директор прервал речь, посвященную новым формам учета и отчетности, которую в это время он произносил на заседании месткома, и стал звонить в райисполком:

— Это Сапунов, директор межобластной базы. Скажите, я еще работаю? Работаю? Спасибо! В чем дело? Да ходят тут, понимаете, всякие...

Пораженный наглостью трех самозванцев, бледный от гнева, глава кожсырьевого предприятия одернул пиджак, так что на плечах затрещали швы, и с угрожающим видом направился к незнакомцам.

— Кто такие?

Увлеченные разговором собеседники не обратили на него внимания.

— Кто такие, я спрашиваю?

— Это сам директор, — подсказал посетителям главбух.

Незванные гости приветливо заулыбались.

— Ах, товарищ директор? Очень приятно! А мы как раз к вам. Имеем разговор.

Разговор состоялся в директорском кабинете, за закрытой дверью. Три солидных горожанина сообщили Сапунову, что они ясно видят возможность увеличить доходы предприятия ровно вдвое.

— Короче говоря, — резюмировал Косой, — база сдает государству все, что полагается, и еще столько же останется в резерве.

— При этом прошу учесть, — обаятельно улыбаясь, подчеркнул Пальковский, — доходы базы нисколько не уменьшатся. Она свой миллион получит. Что же касается второго, резервного миллиона, то он тоже пойдет не кому-нибудь, а тем же советским людям, то есть нам с вами.

— Вы знаете, что такое миллион? — вкрадчиво осведомился Косой. — Вы когда-нибудь его видели?

Директор почувствовал, что теряет душевное равновесие. Перед его глазами возник широкоэкранный мираж... Стены кабинета плавно раздвинулись. Вдали заискрилась изумрудная морская гладь. По Черному морю плавно скользил белоснежный лайнер. На палубе «А» в свободном шелковом кителе стоял он, Александр Семенович. Снизу ему улыбались ослепительные красавицы. Сверху, с командирского мостика, помахивал белой перчаткой элегантный капитан...

— Но пока мы вам кладем пятьсот рублей в месяц, — донесся издали голос Косого. — Конечно, в том случае, если вы готовы сдать нам базу, так сказать, на концессию.

— Так... А база, говорите, не пострадает? — с видом человека, озабоченного государственными интересами, переспросил Сапунов.

— Нисколько.

— Ну, если так...

Компаньоны скрепили договор крепким рукопожатием. Директор базы поспешил на заседание месткома, чтобы продолжить прерванную речь.

ПЕРЕАТТЕСТОВАННЫЙ КОЗЕЛ

Внешне на базе ничего не изменилось. Просто приняли двух новых сотрудников, и все. Приказом директора Пальковский был назначен начальником цеха сухого кожсырья, а Косой — заместителем начальника заводского цеха. Будущие миллионеры являлись теперь на базу пешочком, в серых бязевых халатиках со стоячими воротничками и тесемочками за спиной. Лимузин они оставляли за углом. Что касается третьего, Соколова, то он высаживался чуть раньше, около кожсырьевого склада одесского облпотребсоюза, где работал заведующим.

Компаньоны придали деятельности конторы по заготовке шкур несвойственную ей ранее целеустремленность. Если база до сих пор принимала сырье навалом и навалом же передавала его в промышленность, то теперь к каждой шкуре подходили сугубо индивидуально. Такой подход был подсказан акционерам самой жизнью, а точнее — установленным после упрощения учета новым порядком: принимать сырье по весу, а отчитываться в штуках.

— А ну-ка, подайте сюда этого серенького козлика! — распоряжался Пальковский. — О, да это настоящий бык! Вот, пожалуйста, и хвост налицо... Запишите этого козла в коровью ведомость!

В другом конце цеха экспертизу проводил Косой.

— Как эта буйволиная шкура попала в свиное сырье? — возмущался он.

— Так ведь это ж обыкновенный поросенок, — доказывал ему.

— Послушайте, если мне доверили руководить, то я, наверное, как-нибудь собаку от верблюда отличить сумею.

Отбрав самые крупные шкуры, пайщики вооружались острыми сапожными ножами и доводили сырье до нужной кондиции. Каждую коровью шкуру они резали на две части, а бычью — на три. В результате все шкуры выглядели на один манер. Бычьи по размеру были такие же, как поросятчи, а поросятчи нисколько

не уступали бычьим. Зато количество тех и других, как и обещали основатели дела, возросло вдвое.

База без особого труда выполняла производственные планы. На складах скопились излишки неучтенного сырья, образовавшиеся от разделки шкур по новому методу, — так называемые резервы. Директор базы слал в киевский главк победные реляции. Ржавую вывеску на заборе заменили изготовленным по спецзаказу художественным панно. Заодно Сапунов распорядился заново окрасить главные ворота и прикрепить над ними мобилизующий транспарант: «Добьемся новых трудовых успехов, до конца используем все скрытые резервы!».

Вопрос о скрытых резервах был поистине насущным. Излишки сырья надо было куда-то сбыть. Срочно требовался покупатель. Однако избалованному синтетическими кожзаменителями одесситу сырая, невыделанная шкура была ни к чему. Да к тому же и самих предпринимателей привередливый покупатель-одиночка не устраивал. Требовалась солидная клиентура, способная производить оптовые закупки. Такой клиентурой были сельские заготовители. Они, как невесту, обхаживали каждого индивидуального сдатчика, с нетерпением дожидаясь, когда очередная буренка расстанется со своим кожаным регланом.

Заполучив драгоценный трофей, заготовитель расплачивался со сдатчиком наличными и спешил отправить сырье на базу, чтобы взамен получить квитанцию.

Заготовителю было все равно, у кого покупать шкуры, а коммерсанта абсолютно безразлично, кому продавать свои излишки.

Словом, благоприятные условия для махинаций были налицо. Оставалось установить контакт с кооперативной низовкой. Возникла необходимость командировать на село своего представителя. Выбор пал на Соколова. Компаньоны были намерены сотрудничать с кооператорами на основе твердого экономического статута. Статут был прост: ты мне — деньги, я тебе — товар, я тебе — товар, ты мне — деньги.

70 процентов от общей выручки за проданное сырье должно было поступать в кассу акционерного общества в счет будущего миллиона.

30 процентов комиссионных передавались заведующим складами районных контор, которые должны были нацеливать заготовителей в нужном направлении. Завскладами из своего гонорара должны были выделять по пятёрке для поощрения заготовителей.

— А не мало? — усомнился Соколов. — В конце концов заготовитель в нашем деле, можно сказать, основная фигура.

— Хватит, — отрубил Пальковский. — Пять рублей тоже на дороге не валяются.

Представители кооперативной низовки к предложению одесситов отнеслись с полным пониманием.

По мере того, как Соколов проникал в глубинку, на базе появлялось все больше людей в дождевиках. Посланцы периферии, держа в руках туго набитые деньгами полевые сумки, минуя главные ворота, направлялись прямо к черному ходу. Здесь за неопрятным столиком на колесной табуретке восседал Косой, который бойко продавал излишки. При этом он ревностно наблюдал за порядком, не допуская, чтобы кто-нибудь лез без очереди. Приученные к дисциплине заготовители первым долгом осведомлялись:

— Кто последний?

И добросовестно становились в хвост.

Обладатели туго набитых деньгами полевых сумок торопливо совали Косому наличные и, получив товар, спешили к парадному подъезду.

Там, у свежеекрасшенных ворот, их встречал Пальковский. Придирчиво разглядывая только что купленные у Косого шкуры, он принимал их в счет выполнения плана районными заготконторами и тут же транзитом отправлял Косому.

Дело спорилось. Новенькие казначейские билеты поступали на базу беспрерывным потоком. Все поставщики вели себя дисциплинированно. Косой едва успевал пересчитывать купюры.

И только завскладом из Котовска, некто Василий Аксеньюк, вместо денег по-прежнему продолжал поставлять в Одессу шкуры.

Поведение Аксеньюка нельзя было расценить иначе, как прямой вызов центру.

— Надо послать этому недалекому деятелю телеграмму, — раздраженно сказал директору Пальковскому. — Сообщить, что его вонючие шкуры нам не нужны. Не под-хо-дят по кон-ди-ции!

Сапунов немедленно продиктовал секретарю текст телеграфного послания: «Связи неконди-

ционностью вашей шкуры просим прибыть новой. Противном случае применим санкции. Сапунов».

ПУТЬ В ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО

В тот момент, когда курьер базы тетя Оксана протягивала телеграмму Сапунова в почтовое окошечко, адресат Аксенюк был поглощен устройством своего благополучия. Он решал эту животрепещущую проблему в интимно-лирическом направлении.

В нарядном шевииотом костюме, при галстуке и с ромашкой в петлице завскладом направлялся к богатому местному священнику отцу Михаилу просить руки его дочери.

В ту пору отец Михаил, отслужив молебен, возвращался домой. Где-то на полпути дороге ему преградила большая лужа. Священник в нерешительности остановился и стал раздумывать, как преодолеть водное препятствие.

— Мое почтение, батюшка! — неожиданно донесся чей-то голос.

Отец Михаил поднял голову и увидел на противоположной стороне лужи расфранченного Аксенюка.

— Разрешите помочь, батюшка, — льстиво предложил завскладом и, закатав новые брюки, самоотверженно полез в воду. Перейдя лужу, он подставил отцу Михаилу спину и сказал:

— Прошу садиться!

Благополучно достигнув земной тверди, батюшка торопливо перекрестил своего спасителя.

— Истинно христианская душа! Пошли тебе господь хорошую невесту!

Отец Михаил хотел было распрощаться со своим спасителем, но Аксенюк увязался за ним до самого дома. Переступив порог поповской горницы, он снял картуз и выпалил:

— Отдайте, батюшка, за меня дочь вашу Евгению.

— Да ты что? — вытаращил глаза отец Михаил. — Ты ведь и в церковь, поди, не ходишь?

— Не хожу, батюшка.

— И в бога, наверное, не веришь.

— Не верю, батюшка.

Отец Михаил в нерешительности затеребил бородавку.

— А дочь-то ты мою любишь?

— Чувствую полную симпатию к Евгении Михайловне и имею основание рассчитывать на ее согласие.

— Ну бог с вами, — махнул рукой отец Михаил. — Целуй крест!

Аксенюк смачно чмокнул крест.

Закончив сердечные дела, завскладом поспешил в свою конторку. Там его уже ждала телеграмма директора одесской кожсырьевой базы.

Свадьбу пришлось временно отложить. Чтобы не тратиться в дороге на харчи, экономный Аксенюк прихватил с собой две корзины с провизией и помчался в Одессу.

На базе его встретил Косой. Он начал издали.

— Скажите, ваша контора яички заготавливает?

— Конечно.

— А сливочное масло?

— Какая же может быть контора без масла? И еще кролики у нас! Утки! И гуси...

— Так какого черта ты приехал с пустыми руками? — взревел Косой. — Вы там гусями питаетесь, а мы здесь должны нюхать ваши грязные шкуры!

Перепуганный завскладом поспешил ликвидировать конфликт. Он быстренько сбежал в Дом колхозника, где остановился на ночлег, и приволок оттуда две увесистые корзины с сельскими продуктами, которые взял из дому.

— Вот, — сказал он. — На всех!

Косой выбрал себе самую жирную курицу и посвятил Аксенюка в тайный смысл телеграммы.

— Дело будешь иметь лично со мной. Вези

деньги, получай комиссионные — и здоровеньки булы.

Завскладом радостно осклабил.

Косой тут же представил Аксенюка директору. Сапунов, узнав, что котовский представитель слал шкуры вместо денег не по злому умыслу, а по недомыслию, дружески похлопал Аксенюка по плечу и пригласил к себе на именины.

На именинный вечер Косой и Пальковский явились увешанные фамильными драгоценностями. Пальковский при каждом удобном случае выставлял напоказ белоснежные манжеты, заколотые запонками с драгоценными камнями. Жилет Косого украшала золотая цепь, один конец которой был пристегнут к пуговице, а второй заправлен в кармашек для часов. Откинувшись на спинку стула, он то и дело выпячивал живот.

— Скажите, Косой, — лукаво вопрошал Пальковский, — судя по вашей якорной цепи из чистого золота, у вас есть кое-какие накопления. Так неужели вам этого мало?

— Когда я смотрю на ваши камушки, — парировал Косой, — мне приходит в голову то же самое.

— Нет, знаете, я иногда задумываюсь, — вздохнул Пальковский, — ради чего мы рискуем?

— Деньги никогда не помешают! — В глазах Косого блеснул алчный огонек. — Чем больше, тем лучше! Вот я захочу, скажем, жареную птичку колибри. Или что-нибудь из французской кухни, скажем, лягушку в винном соусе! Так что, я должен себе отказывать в такой мелочи? Ведь жить-то нам один раз!

В этом изысканном обществе Аксенюк чувствовал себя неважно и смущенно прятал под стол свои неизящные сапоги. Когда вечер подходил к концу, Сапунов отозвал Аксенюка в сторону и потребовал:

— Деньги будешь отдавать прямо мне. А эти, — указал он на Пальковского и Косого, — мелкая сошка!..

ХОД КОНЕМ

О том, что директор базы готовил покушение на общее достоинство, Косой, Пальковский и Соколов не подозревали. Стремясь побыстрее осушить свои планы, они придавали делу все более широкий размах. Помимо примитивного деления одной шкуры на две, они списывали прикармненное кожсырье в убыток, переводили в весовой лоскут, оформляли фиктивные акты на возврат шкур сдатчикам.

Увлеченный этим прибыльным занятием, Косой темпераментно восклицал:

— Сейчас я сделаю этому теленку экорше!

«Экорше» — французское слово и буквально означает «сдирание кожи». Это было единственное иностранное слово, которое знал Косой, но зато заложенный в нем смысл он постиг в совершенстве. Каждая безымянная буренка в его руках подвергалась семикратному экорше. Просто говоря, с нее драли семь шкур.

Доходы акционеров росли прямо пропорционально количеству переработанных шкуроединиц. Материально ответственные представители периферии прибывали на базу строго по графику и вносили деньги в кассу общества исправно, как в банк. В конце рабочего дня Пальковский, Косой и Соколов запирались в цеховой каморке и делили прибыль. Спрессованные в колоду казначейские билеты они разбрасывали на три кучки, сдавая купюры до последней, как карты при игре в девятку.

Единственным винтиком, который барахлил в этой хорошо отлаженной системе, был тот же Аксенюк. От него взносы почему-то по-прежнему не поступали. Доведенные до белого каления компаньоны стали советоваться с Сапуновым.

— С этим Аксенюком надо кончать, — решительно сказал Соколов. — Никакой, понимаете, сознательности...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

Сапунов притворно ужаснулся и пообещал разобратся во всем лично.

Когда партнеры вышли из директорского кабинета, они увидели Аксенюка, который с невинным лицом ожидал своей очереди на прием к начальству. Ни слова не говоря, Соколов схватил его за руку и потащил в цех.

— Ты что же дурака валяешь! — набросился на Аксенюка Косой. — Не являешься, не заходишь... — Как это не являюсь?! Лично отдаю Александру Семеновичу. Вот и сейчас привез, — похлопал по полевой сумке Аксенюк.

— Мы думали, что вы серьезный человек, Аксенюк, — с грустью в голосе сказал Пальковский, — а вы, оказывается, карьерист. Выслуживаетесь перед начальством. Выкладывайте деньги!

Не успели партнеры разбросать по кучкам изъятые у Аксенюка шестьсот рублей, как в конторку ворвался бледный Сапунов.

— Это что еще такое? — крикнул он. — В мои личные дела вмешиваетесь?

— Какие же это личные дела, Александр Семенович? — изумился Пальковский. — Ведь у нас дела общие. Касса единая! А вы, солидный руководитель, действуете, как батька Махно!

— Вы просто забыли, с кем имеете дело, товарищ директор! — добавил Соколов. — Ведь мы солидная фирма! В конце года вы, как и каждый пайщик, получите свою долю. А пока возьмите свои пятьсот рублей. Тем более, что сегодня как раз первое число.

— Ах, так! — встал на дыбы Сапунов. — Вы из меня пешку хотите сделать? Так я вам сейчас покажу!

Директор ураганом пронесся по конторе, бросая на ходу грозные команды:

— Спецификации предъявлять только мне! Квитанции без моего ведома не выписывать! Накладные без моего разрешения не оформлять!

Приблизившись к своему кабинету, он приказал секретарю вызвать вахтера. Впервые удостоенный столь высокой чести сторож предстал перед директором в полной боевой готовности.

— С сегодняшнего дня шлагбаум закрыт! — отчеканил Сапунов. — Всех клиентов доставлять прямо ко мне! Ворота открывать только по моему письменному разрешению!

Сторож взял на караул.

Исправный служака ревностно выполнял приказ. Каждого посетителя с толстой сумкой он под ружьем препровождал к директору. Когда Косой попытался заговорить с одним из клиентов, сторож угрожающе щелкнул курком.

— Не замай!

Потрясенные акционеры ошетинились и пошли к директору объясняться.

— Давайте поговорим спокойно, — дрожащим от бешенства голосом начал Пальковский. — Мы вам организовали дело, а вы нас хотите сделать нищими!

Сапунов холодно взглянул на Пальковского.

— Да, да, давайте говорить спокойно! — взвизгнул тот. — Если на то пошло, мы можем закрыть дело. И тогда посмотрим, кто вам будет резать шкуры.

— Ах, закрыть? — иронически усмехнулся Сапунов. — Ну что ж, можете получить свои трудовые книжки в отделе кадров.

На следующий день, когда акционеры, немного поостыв, явились на работу, они обнаружили на базе трех новых сотрудников в серых бязевых халатиках с тесемочками за спиной. Один был с золотым зубом, второй — плешивый, третий обращал на себя внимание огромным, нестандартным носом.

Новички орудовали у разделочных столов со сноровкой заправских шкуродеров.

Косой, Пальковский и Соколов решили, что горючиться не следует. Подать заявление об уходе — это значит собственноручно преподнести жареную птичку колибри на обед другим. Акционеры сделали вид, будто ничего не произошло, и как ни в чем не бывало заняли свои рабочие места.

«В человеке все должно быть прекрасно — и лицо, и мысли, и одежда». Может, именно эти слова, сказанные Горьким и заставили Праксью Яковлевну... стать портнихой».

(«Маяк дельты»).

Астраханская область.

«Коллектив Тахтамыгдинского арматурного завода в текущем году может сэкономить 20 тонн черных металлов, из которых будет изготовлено дополнительно 19 тонн помольных шаров и 250 тонн мазута».

(«Амурская звезда»).

«Ходил в Лувр. Посмотрел Венеру Милосскую вблизи. Земная женщина — руки ее знали работу».

(«Молодая гвардия», из статьи «Большой актер!»).

г. Пермь.

ЕЩЕ О КАЧЕСТВЕ

— Обокрали ателье, но далеко убежать не смогли!

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

«Правилами разрешается любительский лов рыбы и раков для личного потребления всем гражданам, но не более пяти километров в день на ловца».

(«Донские огни»).

Ростовская область.

«Пропала лошадь, мерин, масти рыжей, без примет, возраст 10—11 лет, отличительная черта: часто кашляет».

(«Ленинское знамя»).

Краснодарский край.

«Бийская горэлектросеть приглашает на постоянную работу столяров 3—4 разряда, знакомых со столярными работами».

(«Бийский рабочий»).

«Сахалинской областной типографии требуются ученики (мужчины) на ночную работу».

(«Советский Сахалин»).

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ

«...Это интересная спичка. В прошлом году я нашел ее в баранке, купленной в булочной Севастьянова... Видишь этот ноготь! Три года тому назад он был найден в бисквите, купленном в булочной Филиппова...»
(Чехов. «Коллекция».)

Закончив беседу, Крокодил подвел гостей к шкафу, где за стеклом на лакированном подносе лежала кучка странных предметов, довольно невзрачных и некрасивых на вид.

— Что это за хлам? — спросил один из гостей.

— Моя коллекция, — ответил хозяин. — Мое, так сказать, хобби. Ведь нынче в моде собирать коллекции. Вот и я собрал кое-какие экспонаты. Каждый из них имеет свою историю.

На первом плане вы видите два небольших камешка. С виду они почти одинаковы, но происхождения различного. Первый, вот этот, серебряный, я выловил из земляничного джема, изготовленного Лабинским консервным заводом. Второй поступил ко мне в конфете «Спорт», продукции Одесской фабрики имени Розы Люксембург. Теперь я понимаю, откуда берутся камни в печени.

Конфетка, лежащая рядом, называется «Нежинский холодок». Из нее торчит маленький медный крючок. Очень удобно: конфетку можно повесить на елку. Конфетка прибыла из Саратова.

Следующие экспонаты — хлебобулочные изделия. Вот обыкновенный на вид круглый бублик с дыркой. Но он обладает довольно солидным скрытым запасом прочности благодаря запеченной в него стальной проволоке. Родился бублик на хлебозаводе в городе Кувшинове, Калининской области. Рядом с бубликом

столь же обыкновенная сушка. Приобретена в магазине № 57 города Новосибирска, где я был в командировке. Из сушки, как видите, выглядывает кусочек проволоки, такой же, как в кувшинском бублике. Почему в бублики и сушки предпочтительно попадает проволока — объяснить не могу.

Две железки. Одна, зубчатая, извлечена из конфеты «Цитрон», выпущенной хабаровским кондитерским производственным объединением «Спутник». Вторая, в виде полумесяца, была заделана в вафлю, сработанную астраханскими кондитерами.

Кусочек железной руды был обнаружен в конфете «Любительская» Луганской кондитерской фабрики. Я попал в неловкое положение, угощая такими конфетами детишек моих добрых знакомых.

— Известно, молодо-зелено, — поддакнул один из гостей. — Разве они понимают, что металл сдавать нужно, а не глотать!

— Продолжаю! — вдохновенно перебил хозяин. — Я те конфеты немедленно изъял из обращения, а малышам подсунил другие, Ленинградской фабрики имени Самойловой. И зря, потому что в одной из конфеток было обнаружено три кусочка стекла.

— Позвольте! — возразил один дотошный гость. — Вы сказали, три кусочка, а здесь четыре. Я считал.

— Четвертый из другой оперы, — пошутил хозяин. — Он прибыл сюда из Гори в банке с яблочным пюре...

— А тут еще два винта и гвозди! — крикнул самый дерзкий и молодой из присутствующих.

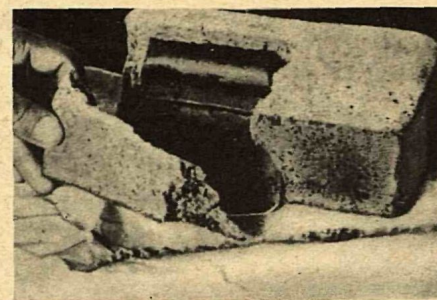
— Ах, винты! — Крокодил поморщился, как от зубной боли. — Что ж, могу рассказать. Поехал я как-то в гости и повез медовых пряничков. За вечерним чаем все с аппетитом ели свежие, пахучие пряники. Вдруг хозяйка дома охнула, побледнела и вытащила изо рта вот этот самый винт. Ей бы, конечно, не на меня обижаться, а на работников кондитерской фабрики комбината бараночных изделий, что у нас в Москве, на Школьной улице. Это там запекли винт в пряник. Второй, точно такой же, я нашел в «Десертной карамели» Рижской кондитерской фабрики... Вы, кажется, хотели узнать историю этих трех гвоздей? Извольте.

Гвоздь номер один я вытащил из ломтя хлеба в Таганроге. Хлеб выпечен комбинатом № 2. Второй гвоздь, кривой и согнутый, — совсем свежий экспонат. Вчера купил пачку творога объединения «Молоко». В твороге оказался этот гвоздь.

Третий — блестящий и острый — особенный. Он не был заделан в продукты питания. Он вошел одним из компонентов в кусок высокосортного хозяйственного мыла. Родословная его известна — на куске было выдано: «НМЗ. Москва. РТУ-216-63. 70%. Цена 23 к.».

— Слишком много гвоздей стали делать, — сочувственно произнес пожилой гость, — вот и суют их куда попало. Бывало, раньше ищешь гвоздочков... А теперь благодать: бесплатно в нагрузку к мылу дают. И еще жалеемся. Эх! — Он неприязненно покосился на хозяина. — А это что там у тебя в витрине большое такое? Еще рядом прикрыто?

— Это? Это, если хотите знать, жемчужина моей коллекции. — И хозяин величавым жестом сдернул салфетку с таинственного предмета. Глазам гостей открылась вот такая картина:

— История этого экспоната заслуживает внимания. Как-то на Арсеньевском хлебокомбинате, что в Приморском крае, пропал колун. Его долго искали, но так и не нашли и махнули на пропажу рукой.

А через несколько дней рабочие мясо-молочного совхоза «Яблоновский» за ужином обнаружили колун в буханке хлеба. И прислали эту находку мне в подарок, за что я им глубоко благодарен.

— Вот и все! — бодро сказал Крокодил. — Ну, а теперь прошу к столу. Чайком побалуемся, закусим.

— А что у тебя к чаю-то? — с тревогой спросил пожилой гость. — Чем это мы закусим?

— Да уж угощу! — воскликнул хозяин. — Медовые прянички, конфетки разных сортов. Вафли. Ватрушки домашние с творогом... Да куда же вы?

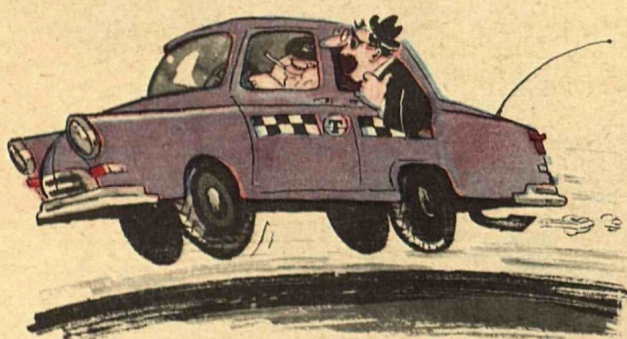
Он осмотрелся. В кабинете уже никого не было. Последний гость на ходу застегивал пальто.

Е. ЦУГУЛИЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ. В № 2 за текущий год мы поместили маленькую заметку под заголовком «Ах, хороша начинка!» В ней говорилось, что в одной из конфет, изготовленных Нижнетагильской кондитерской фабрикой, была обнаружена мелкая монетка.

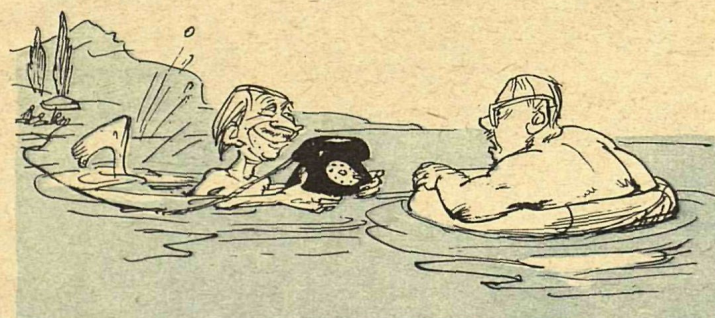
Когда фельетон «Приятного аппетита!» был уже набран, мы получили из Нижнего Тагила письмо. В нем сообщается, что работники конфетной фабрики, виновные в выпуске конфет с монетной начинкой, получили строгие взыскания.

Но это мы так, к слову, заметили.

— Но мне в обратную сторону!
— Не волнуйтесь, Земля-то круглая.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Это еще зачем?
— А вдруг вы захотите кому-нибудь позвонить?

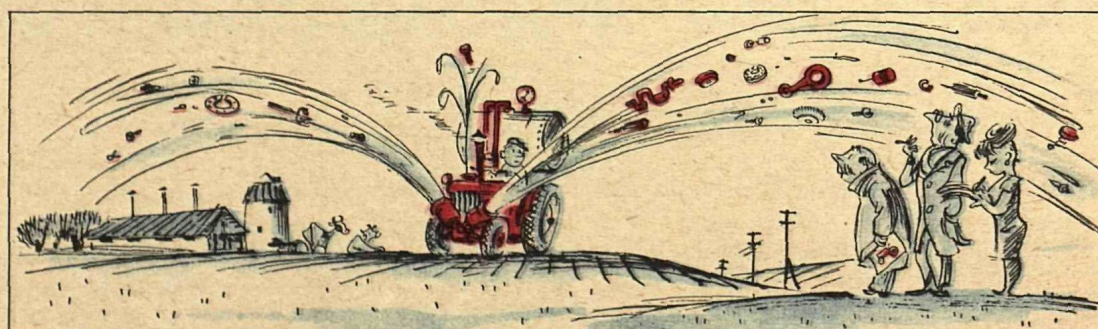
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

УГАДАЛА

— И предстоит тебе дальняя дорога.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Испытание новой дождевальнoй установки.

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

— Консерватория? Прошу меня прослушать...
Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Сейчас не сезон, поэтому коллекция мало пополняется!
Рисунок В. КАНЕВСКОГО

КОГДА НАЧНЕТСЯ КЛЕВ

Стихи Владимира ГУРЬЯНА.
Музыка Людмилы ЛЯДОВОЙ.

Нам Быстрянку все хвалили:
«Вот река, так уж река! Да-да!
Испоконом веков там были
Для любого рыбака
И белоглазка, и белуга,
И белорыбца, и язь,
И шелеспер,
и щука, и карась,
И благородная севрюга,
И коротышка-пузанок,
И килограмма на два окунек!..»

(ПРИЕХАЛИ НА БЫСТРЯНКУ...)

Пятый день мы тут рыбачим
На живца, на червяка, да-да!
Пятый день мы чуть не плачем,
Но не ловится пока
Ни белоглазка, ни белуга,
Ни белорыбца, ни язь,
Ни шелеспер,
ни щука, ни карась,

Ни благородная севрюга,
Ни коротышка-пузанок,
Ни даже самый малый окунек...

(В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?...)

Производственным отходом
Испоганена река, да-да!
На директора завода
Пишут жалобу в ЦК
И белоглазка, и белуга,
И белорыбца, и язь,
И шелеспер,

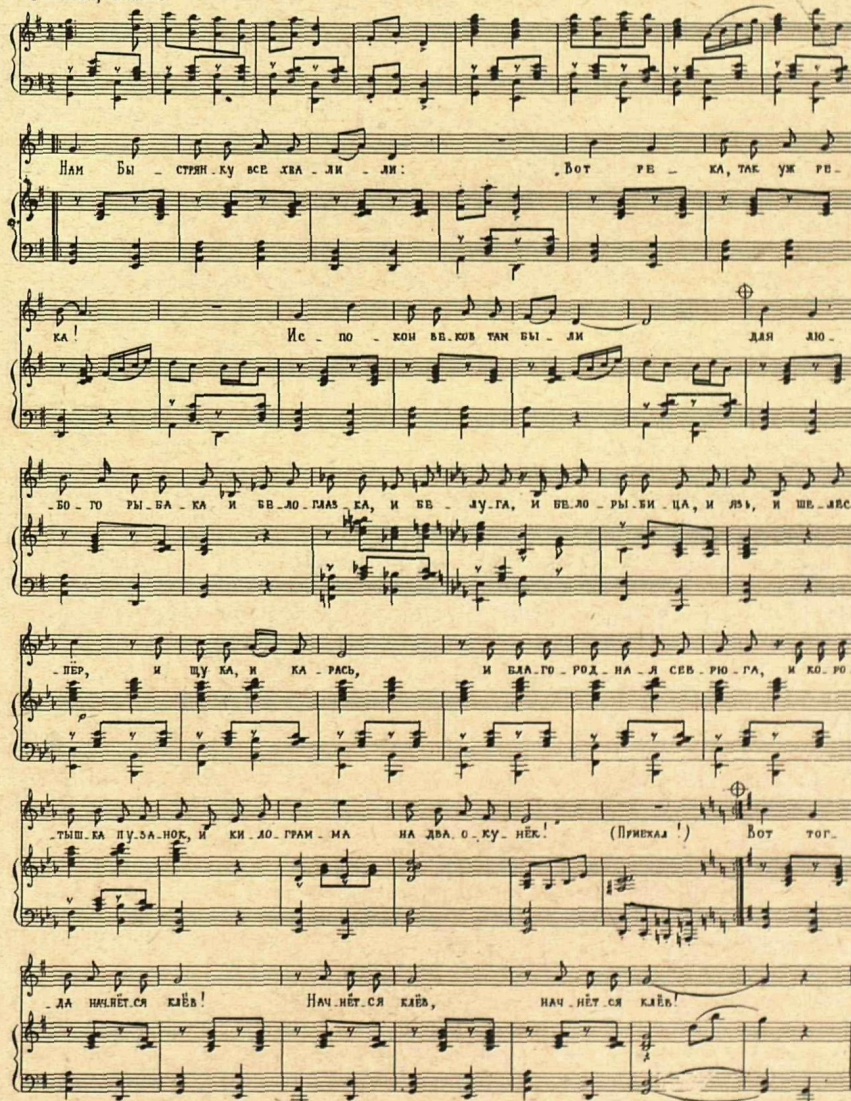
и щука, и карась,
И благородная севрюга,
И коротышка-пузанок,
И даже самый малый окунек:

(ПИШУТ ПРАВИЛЬНО!..)

«Взять за жабры надо срочно
Всех таких директоров! Да-да!
Вот тогда, уже это точно,
Вот тогда начнется клев!
Начнется клев!!
Начнется клев!!!
Да-да».

Название реки, к сожалению, мож-
но заменить названиями многих дру-
гих рек.

С юмором, ритмично.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Как перейти улицу на красный свет в различных странах, не нарвавшись на неприятный разговор с полицейским?

В Италии — подняв глаза к небу и перебирая четки.

Во Франции — samozабвенно целуя идущую рядом блондинку.

В ФРГ — нацепив на шею гитлеровский железный крест.

Из отчета тренера команды пловцов, совершившей неудачное турне за рубежом: «Хотя нашей команде не удалось одержать победу, но зато никто из членов команды не утонул».

Миссионер встретился в африканских джунглях с голодным львом. Миссионер упал на колени и прошептал молитву: «Всемогущий создатель мой, внуши этому зверю христианские чувства». Молитва была услышана. Лев немедленно упал на передние лапы и, воздев очи к небу, проревел: «Всемогущий создатель мой, благовослови скромную трапезу, за которую я сейчас принимаюсь».

В гостиничный номер поступал официант и спросил: — Вам кофе в кровать? — Лучше в чашку, — ответил постоялец.

Жанна получила в подарок золотое обручальное кольцо. Боясь потерять его, она обратилась за советом к ювелиру.

— Чтобы обручальное кольцо прочнее держалось на пальце, — ответил ювелир, — нужно, по крайней мере, дважды в день окунайте его в воду с грязной посудой и раз в неделю — в мыльную пену...

Трамвай был так переполнен, что даже некоторые мужчины стояли.

— Иногда мне бывает страшно неудобно, — признается своему другу сын-ор России, — я часто разговариваю во сне.

— Стоит ли беспокоиться о таком пустяке...

— Для тебя пустяк, а мои коллеги вечно смеются надо мной.

— Какие коллеги?

— По работе...

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
Тел. Д 0-10-36.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ЕФИМОВ,
В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А 10301.

Подписано к печати 28/V 1966 г.

Издательство «Правда»

Формат бумаги 70×108 1/8.

2 печ. л. 2,80 усл. л.

Тираж 4 300 000 экз.

Заказ № 1556. Изд. № 786.

